

Оригинальная статья / Original article

УДК 355.34(571.52)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-148-158>

РАЗВЕДКА УСИНСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМАНДЫ В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

© Т.В. Федорова, А.В. Степанов

Иркутский государственный университет

664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Аннотация: Защита приграничных территорий Российской империи в начале XX в. осуществлялась сформированным в 1895 г. отдельным корпусом пограничной стражи, в состав которого входила действующая на границе с Монголией Усинская пограничная команда, непосредственно подчинявшаяся Усинскому пограничному начальнику. После неудач в Русско-японской войне 1904–1905 гг. беспокойство правительства все чаще вызывали передвижения китайских войск, а также шпионаж Китая и Японии в Урянхайском крае, характер территориальной принадлежности которого оставался все еще спорным. Решение данной проблемы зависело от информации, предоставляемой разведчиками, с начала века неоднократно отправлявшихся во Внешнюю Монголию. Характер результатов разведки Усинской пограничной команды в Урянхайском крае раскрывает особенности пограничных свойств местности, социально-экономическое положение урянхов, а также различия в их отношении к русскому и китайскому правительствам. В данной статье на основе материалов центрального и регионального архивов, впервые вводимых в научный оборот, анализируются донесения императорского российского консула в г. Улясутае, Усинского пограничного начальника и разведки Усинской пограничной команды, способствовавшие решению вопроса о вхождении Урянхайского края в состав Российской империи.

Ключевые слова: разведка, Урянхайский край, урянхи, хошун, амбань, Усинская местная команда, Усинский пограничный начальник, Уланком, Кобдо, Китай

Информация о статье: Дата поступления 9 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 12 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Федорова Т.В., Степанов А.В. Разведка Усинской пограничной команды в Урянхайском крае в начале XX в. *Известия Лаборатории древних технологий.* 2018;14(4):148–158. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-148-158.

INTELLIGENCE OF THE USINSK FRONTIER TEAM IN THE URYANGHAI EDGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

© Tatyana V. Fedorova, Alexander V. Stepanov

Irkutsk State University

1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract: The protection of the border territories of the Russian Empire in the early twentieth century was carried out by the Separate Corps of the Border Guard formed in 1895, which included the Usinskaya frontier command, acting on the border with Mongolia, directly subordinate to the Usinsky border commander. After the failures in the Russian-Japanese War of 1904–1905, the government's concern was increasingly caused by the movements of Chinese troops, as well as espionage by China and Japan in the Uryanghai region, whose territorial character remained controversial. The solution to this problem depended on the information provided by expeditions of scouts, since the beginning of the century, repeatedly sent to Outer Mongolia. The nature of the results of the reconnaissance of the Usinsk frontier team in the Uryanghai Territory reveals the features of the frontier properties of the area, the socio-economic position of the Uryangs, and the differences in their attitude towards the Russian and Chinese governments. In this article, based on the materials of the central and regional archives, first introduced into scientific circulation, the reports of the Imperial Russian consul in Ulyasutai, the Usinsky Border Chief and the Usinsky frontier command intelligence facilitated the solution of the question of the Uryanghai region joining the Russian Empire.

Keywords: *intelligence, Uryanghai region, Uryangi, Khoshun, Amban, Usinskaya frontier team, Usinsky border commander, Ulankom, Kobdo, China*

Article info: Received February 9, 2018; accepted for publication March 12, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Fedorova T.V., Stepanov A.V. Intelligence of the Usinsk frontier team in the Uryanghai edge at the beginning of the XX century. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018;14(4):148–158. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-148-158.

Контроль приграничных территорий всегда был и остается наиболее важным аспектом сохранения национальной безопасности любого государства. В современной России этот вопрос как никогда актуален в связи с интенсивно меняющимися геополитическими реалиями. Страны дальневосточного региона являются важными партнерами Российской Федерации, как и более века назад нас объединяют не только внешнеполитическое сотрудничество, но и общие границы, сохранение стабильности в которых достаточно значимо. Если сегодня «обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве осуществляется путем развертывания на государственной границе Российской Федерации высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, и систем» (Указ Президента РФ, 2015), то в дореволюционный период, особенно после неудач в Русско-японской войне 1904–1905 гг., все зависело в большей степени не от военной мощи, а от слаженной работы дипломатического корпуса, разведывательных подразделений пограничной стражи и губернских властей.

В XXI в. Китай является одним из наиболее важных акторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который стремится к расширению сфер своего экономического и политического влияния путем реализации системы интеграционной инициативы под названием «Один пояс – один путь». Данная инициатива поддерживается и правительством России, но угрозу территориальной экспансии приграничного пространства нельзя исключать, так как некоторые претензии подобного рода могут быть исторически обоснованы. Так, Урянхайский край (ныне республика Тыва в составе Российской Федерации) до 1914 г. находился под протекторатом Цинского Китая, административно входил в состав Внешней Монголии и представлял собой плацдарм для возможного ведения боевых действий в усло-

виях военного конфликта с императорской Россией.

Историография исследования Урянхайского края раскрывает его экономическое и социальное положение в начале XX в., рассматривает вопросы этнографии и демографии, территориальное устройство и результаты пограничных экспедиций. В дореволюционный период Урянхайский край как приграничная территория с Китаем привлекал исследователей, направляемых Военным министерством, которые в результате проведения многочисленных экспедиций стремились решить пограничный вопрос. Так, в 80–90-х гг. XIX в. с этой целью в Урянхайском крае побывали такие военные деятели, как Осташкин, Боголюбский, Перетолчин, Александрович и др. В трудах полковника Генерального штаба В.Л. Попова и инженера Управления водных путей министерства путей сообщения В. Родевича, которые также занимались урянхайской проблемой, основное внимание уделяется описанию территориальных и природных особенностей края (Попов, 1905; Родевич, 1910; Родевич, 1912). Особое значение в ряде изданий начала XX в. имеет исследование Г.Е. Грумм-Гржимайло, географа, совершившего экспедицию в Тыву в 1903 г. Он раскрывает историю развития Западной Монголии начиная с «предысторического периода» до 1924 г., особо выделив в отдельной главе и Урянхайский вопрос (Грумм-Гржимайло, 1926). Стоит отметить, что первое издание данной работы вышло еще в 1914 г., и потому следует в большей степени относить его к дореволюционной историографии, но в последующем переизданную работу с дополнениями по процессу образования Монгольского государства можно, хотя и с оговорками, отнести к следующему, советскому периоду.

В советское время вышли труды В.И. Дулова «Очерки социально-экономической истории Тувы. XIX – начало XX в.», коллективная монография под

редакцией Первого секретаря коммунистической партии Тувы Салчака Калбакхорекевича Тока, в которых рассматриваются этнографические, социально-политические и экономические аспекты истории Тувы с древних времен до начала 60-х гг. XX в. (Дулов, 1956; История Тувы, 1964), в 1979 г. была написана диссертация В.А. Моисеева «Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России (XVIII в.)»¹, которая раскрывает вопросы соперничества Цинского Китая и Джунгарского ханства в Центральной Азии.

После распада СССР и расширения доступа к архивным материалам вышел ряд работ по проблемам формирования российско-китайской границы, например, «Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах», «Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века», «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» (Ткаченко, 1999; Дацышен, 2000; Моисеев, 2003). Последние годы выходит все больше работ так или иначе связанных с урегулированием «уряньхайского вопроса» в начале прошлого века. Аспекты историографии и источниковедения по решению урянхайского вопроса в международной политике и межконфессиональных отношениях России, Монголии и Китая раскрываются в трудах В.А. Василенко и Ю.В. Кузьмина (Василенко, 2014; Василенко, 2015; Кузьмин, 2015). Процесс установления протектората России над Тывой рассматривается в статье «Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века» (Шурхуу, 2001). Концептуальные вопросы Российско-Монгольских отношений раскрывают в своей статье А.П. Суходолов, Ю.В. Кузьмин, А.Ф. Манжигеев (Суходолов, Кузьмин, Манжигеев, 2015). Количество работ и научных публикаций в этом направлении увеличивается по сравнению с совет-

ским периодом истории, вместе с тем на сегодняшний день вопрос разведывательной деятельности в Урянхайском крае в начале XX в. изучен неравномерно и, в целом, недостаточно.

Важное место в источниковой базе данного исследования занимают материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО). Фонд 25 – «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» содержит разведывательные сводки штаба Иркутского военного округа о Китае и Монголии, секретные донесения о политическом положении в Урянхайском крае, схематические планы окрестностей г. Урянхая и дороги к Улясутаю. В фонде 4888 Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся материалы разведки Заамурского округа пограничной стражи, которые раскрывают особенности развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Китая и Монголии. В работе предпринята попытка изучить разведывательную деятельность Усинской пограничной команды на территории Урянхайского края на основании архивных сведений, впервые вводимых в научный оборот. Отметим, что на 1911 г. она размещалась в с. Усинское как «Усинская особая команда» из 45 чел. Организационно же подразделение подчинялось Минусинской местной команде, дислоцировавшейся в г. Минусинск (Новиков, 2014. С. 40).

В начале XX в. отношения между Россией и Китаем начинают накаляться в связи с приграничными претензиями государств. Положение обострилось еще и по другой причине. Как следует из секретного донесения императорского российского консула в г. Улясутае «монгольские князья Цзасакту-ханского и Сайн-нояновского аймаков постановили обратиться с коллективным ходатайством в Пекин о совершенном прекращении или временном приостановлении взыскания китайских долгов с хошунных монголов, хотя бы на 5 лет» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 245). Князья жаловались на то, что китайские купцы устраивали набеги на хошуну и отбирали скот и имущество у должников по произвольной цене, которая была намного ниже действительной стоимости предметов. К тому же общая цифра задолженности не только не уменьшалась, а, наоборот, благодаря особой системе

¹ Моисеев В.А. Вторжение Цинской империи в районы Саяно-Алтайского нагорья и политика России (XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М.: Институт востоковедения Академии наук СССР, 1979. 150 с. / Moiseev V.A. The invasion of the Qing Empire in the areas of the Sayano-Altai Highlands and the policy of Russia (XVIII century): dis. ... Cand. Hist Sciences: 07.00.03. M.: Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR, 1979. 150 p.

начисления процентов с каждым годом увеличивалась. В результате монголы разорялись совершенно и не в силах были производить уплаты. Постановление князей произвело сильный переполох среди местных китайских фирм, которые всячески, «...до крупных денежных подношений включительно, старались воздействовать на влиятельных монгольских и китайских сановников, чтобы те убедили хошунных князей отказаться от осуществления своего намерения, обещая со своей стороны сделать значительные скидки с общей суммы долгов» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 245–245 об.). Однако монгольские князья не поддавались уговорам и обещаниям и составили доклад, в котором решили твердо настоять перед центральным правительством на удовлетворении их ходатайства, а в случае отказа в знак протеста снять почтовые станции в западной Монголии. Кроме того, и урянхи давно были настроены перейти в русское подданство и подчиняться Российским законам. В результате китайское правительство стало обращать весьма серьезное внимание на окраины империи, особенно на Монголию, всячески стремясь ассимилировать ее и укрепить свои границы с Россией путем усиленной их колонизации, найдя, тем самым, выход для избытка населения внутри страны (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 523. Л. 4).

Попытки Китая сохранить свои позиции в Монголии и Урянхайском крае привели к организации поездок разведчиков, основной задачей которых был сбор точных данных о положении в регионе, количестве и сосредоточении русских войск вдоль Забайкальской и Сибирской железных дорог, и на почтовых трактах, ведущих в Монголию. Так, в 1911 г. в Улясутай со стороны Кошь-Агача через г. Кобдо по большому тракту было направлено 2 китайских офицера и 2 военных чиновника: «Цянь-дун, Дань, Янь-шу-фан и Цзянь-се. Первый и третий занимали штатные должности в разведочном отделении штаба Ургинского амбана Дань-до, а остальные состояли в распоряжении военного министра в Пекине» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 244). Вся группа «под видом студентов-туристов, в европейских костюмах поехала по Сибирской железной дороге от Верхнеудинска до Новониколаевска и далее почтовым трактом до Кошь-Агача»

(ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 261). Заслуживает внимания то обстоятельство, что Улясутайские власти принимали все меры к тому, чтобы проезд разведчиков в Монголии оставался по возможности менее заметным. В результате в предписании Уртонам данные туристы были названы «русскими», они имели вымышленные фамилии, к которым привыкли монголы – Бу, Си, Инь и Инь-ду (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 244). Самим же проезжающим было предложено не обирать попутные почтовые станции, как это обычно проделывалось китайскими чиновниками. Во время пути и на всем протяжении от Кошь-Агача до Улясутая офицер Цянь-дун производил маршрутную съемку, барометрические и термометрические измерения.

В таких условиях России пришлось прибегнуть к другим способам всестороннего изучения Монголии. Была организована особая агентура в Харбине, состоящая в распоряжении миссии. Агентура действовала с большим успехом, однако получаемые сведения охватывали преимущественно хошуну, тяготеющие к китайской восточной железной дороге и, в частности, к Харбину, не продвигаясь далее ст. Маньчжурия. Как сообщал чрезвычайный посланник императорской Русской миссии в Пекине И.Я. Коростовец, «...внешняя же Монголия и главным образом Халка ускользают от нашего внимания. Пограничное с нами положение последних областей делает их весьма важными с точки зрения наших интересов и потому, естественно, следовало бы направить деятельность нашей агентуры в эту сторону» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 523. Л. 4 об.). Если китайское правительство волновали действия хошунных князей на приграничных территориях, то Россия была обеспокоена передвижением китайских войск на границе по Амуру и в Забайкалье. В Хейлунцзянской и Гиринской провинциях Китая замечалась передислокация войсковых подразделений в сторону Российской империи (рис. 1).

Ходили слухи, что китайская администрация вооружала своих рабочих на российских приисках. По р. Сунгари курсировал китайский пароход, с которого свободно раздавалось оружие мирному прибрежному населению. Все это делалось под

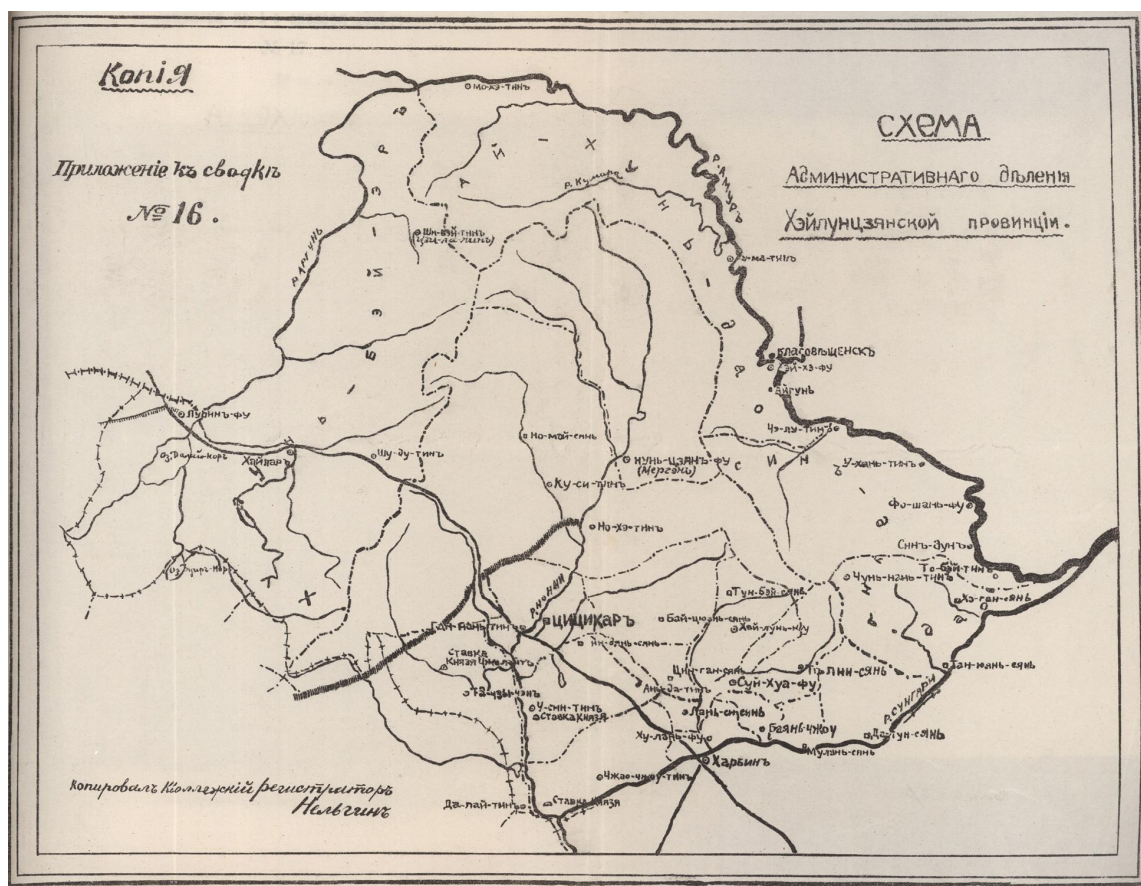

Рис. 1. Схема административного деления Хэйлунцзянской провинции
 Fig. 1. Scheme of administrative division of Heilongjiang province

предлогом борьбы с хунхузами (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 262).

Кроме того, местная администрация никаким образом не препятствовала деятельности японских шпионов, занимавшихся сбором информации на территории Монголии и Урянхайского края. По донесениям разведки Заамурского округа пограничной стражи за № 21 от 12 мая 1909 г. полученным от монгольского чиновника следует, что в декабре 1908 г. «...на дороге из Урги в Улясутай было задержано 6 японских шпионов, следовавших на трех подводках». По словам чиновника, «японцы были переодеты в китайский костюм, имели привязанные косы. При обыске обнаружено было много уже произведенных съемок и фотографических снимков. На плане нанесены все более важные пункты» (РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 66). Задержанные сообщили, что начали свое путешествие еще в июле месяце, выехав из Хайлара по направлению к Урге, арестованные были сданы ургинскому амбаню. По сведениям из Хайлара, 27 марта 1909 г. сю-

да прибыли два японских офицера, цель которых состояла в военно-стратегическом описания Монголии. Было установлено, что японцы посылали в Монголию две небольшие экспедиции: «одну из Телина, другую из Куанченцз. Начальником последней был драгоман китайского языка при японском консуле в Куанченцзах – Хатано, знающий монгольский язык» (РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 66). Параллельно разведывательной работе китайских и японских агентов в мае – июне 1911 г. российскими властями в Урянхайский край были направлены экспедиции разведки Усинской пограничной команды, которые действовали в трех направлениях – в Улясутае, Кобдо и Урянхае (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 1). Цель разведки заключалась в изучении тактических свойств местности, получении информации об осведомленности местного населения о ситуации в крае и отношении к российским и китайским властям для дальнейшего решения пограничного вопроса.

Результаты разведки в Улясутае дали достаточно интересную информацию. Так, в беседе с торговцем Тухватулиным, который был осведомлен о ходе событий между народами, выяснилось, что среди местного населения идут предположения, «... будто бы Китай добровольно уступает Урянхайскую землю России» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7). Сойоты часто допрашивались у русских, будет ли война с Китаем, когда и чем она может кончиться (рис. 2). Было установлено, что «...симпатии сойот очевидно на стороне русских, но из боязни перед китайцами сойоты скрывают свои чувства и держатся золотой середины. Если б они видели вооруженную силу около себя, то не замедлили бы открыто встать на сторону русских» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7).

Разведка в г. Уланкоме так же отмечала добродушное отношение монгол (турбетов) к русским без признаков какого-либо превосходства или презрения.

С другой стороны, военно-стратегические характеристики исследуемого района оставляли желать лучшего. Так, вооружение Боржугутайского караула было достаточно старым: «копья и ружья – годные в музей древностей» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 7). Как и другие крупные монгольские города Уланком представлял собой крепость, обне-

сенную глиняной стеной на четыре стороны. Около «хуре» находилось отдельное помещение князя хошуна Ван, тоже обнесенное глиняной стеной с разбитым садом из тополей. Русские фактории находились на почтительном расстоянии от «хур» и их было немного. Местность, на которой раскидывался Уланком, граничила с владениями двух хошунов – Далай хан и Ван: «Князь хошуна Далай хан находится в горах, на западе от Уланкома. Князь хошуна Вана живет здесь на “хуре”. Хотя это не из постоянных мест его пребывания – он летом кочует в горы» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 8). Дальнейшая разведка давала характеристику расположения г. Улясутая, находящегося в долине р. Загастай: «... с севера рядом с городом невысокая гора, дальше на север высокий хребет, на юге долина Загастая и дальше горы, вообще Улясутай стоит среди больших гор, всюду видны лишь горы да камни, растительность – тощие кусты карагана, а на горах совсем ничего нет, дома в городе китайские фанзы-мазанки, с бумажными окнами и потолками, ограда – частокол из лиственничного нетолстого леса, улица узкая, торговцев около 50 фирм ... – 10 крупные, остальные мелкие, около 20 мастерских, скорняки, портные, шубники, серебряники, кузнецы и столяры. Китайские власти в Улясутае дзянь-дзюнь и два амбаня – помощника дзянь-

Рис. 2. Сойоты (тувинцы). Урянхайский край
Fig. 2. Soyots (Tuvans). Uryanghai region

дзюня, один из них китаец, другой монгол: квартира их в крепости от города 1 ½ версты, в городе находится банк, который свои операции производит только с монголами, беря с них 36 % годовых. На одном краю города полицейское управление, у ворот которого висят две больших петли и доски-колотки для заковывания преступников, на другом конце города храм и казарма для солдат, казарма маленькая человек на 10–15, здесь живут два – три солдата караульщика ... Отношение дзьянь-дзюня к монголам и светским нойонам такое, как к своим лакеям. Нойоны перед ним не имеют права стоять на ногах или сидеть, а должны стоять на коленях» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 88–89 об.).

Итоги экспедиции в Улясутай, представленные в секретном донесении разведчика, констатируют, что «... появление русских караулов на северных склонах Танну Ола осенью этого года будет главным шагом к завоеванию этого края. Пользуясь моментом русскую корону можно будет поздравить с богатым украшением ее, приобретение края такой ценности, как урянхайская земля, есть действительно украшение короны» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 9).

Если разведка в Улясутай предполагала в большей степени изучение общих настроений местного населения в условиях возможного выхода Урянхайского края из-под протектората Цинского Китая и присоединения к России, то экспедиция в г. Кобдо была связана с определением общего характера местности и проведением рекогносцировки. В результате были даны описания не только самого г. Кобдо, но и близлежащих территорий. По пути из г. Уланкома в пункт назначения было установлено, что город с юга и запада окружен вязкими, топкими болотами и дорога на Кобдо прилегает немного восточнее «хуре», постепенно приближаясь к снежному хребту на западе. В 20 верстах от Уланкома течет р. Тель, берущая начало с указанного хребта. Из донесения разведки: «18 мая проехали верст 18 по местности, опять-таки бесплодной и каменистой и часа в 3 дня были на речке Боргустай, отстоящей от Уланкома в 60 верст. Речка имеет направление с запада на юго-восток. Население по речке – малочисленное, не более полдюжины юрт. 19 мая с Боргустая выехали, держась

опять-таки направления на юг и через 10 верст достигли небольшого озерка Холба-нур, из которого течет маленькая речушка, того же названия. От Холба-нура на расстоянии 40–45 верст нет признаков жилья, нет воды. Проехав такое расстояние с большим трудом достигли озера Харасу, имеющее около 8 верст в длину и 3–4 в ширину. По незнанию дороги, продолжали путь восточной стороной озера, дорогой наиболее тяжелой и скверной, оставив лучший путь вправо от себя через речку Намир. Около озера 3 или 4 юрты. Вода в озере соленая. Жители пользуются водой из колодцев. 20 мая от ночевки у колодца до речки Улан Букуль верст 25, и это расстояние мы тянулись целый день на изморенных лошадах. Из Улан Букуля на Кобдо две дороги: одна Уртэльная на перевоз к реке Кобдо, вторая через горы на речку Кобдо же, но много выше перевоза ... Долина реки Кобдо имеет более 20 верст в ширину. По течению с левой стороны реки имеется «хуре» Менкытцев (племя монгол). Река Кобдо от менкытской «хуре» пройдя 50 верст впадает в большое озеро Харасу. Река собою многоводная и не всегда удобная для брода на лошадах, хотя, благодаря ее очень тихому течению, можно бродить, когда вода идет через седло. Берега реки покрыты тальником, иной породы деревьев нет» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 33 об. – 34).

Экспедиция въехала в г. Кобдо 26 мая. Он представлял собой глиняный городок с достаточно обильной растительностью, имел две улицы Ийхицзэль (Большая улица) и Нарен-цзэль (узкая улица) и два переулка, соединяющие эти улицы. Северный конец большой улицы упирался в южные ворота крепости, которая была огорожена глиняными стенами, в окружности до двух верст. Вокруг крепости ров, не более трех аршин глубиной. Крепость имеет трое ворот. На северной стороне крепости расположена только сторожевая башенка. На южном, западном углах крепости и над воротами есть пушки, диаметр которых составляет ½ вершка, число пушек – 12. Ширина стен до 6 аршин и высота также. В воротах толщина стен до 8 аршин. «При входе в крепость через южные ее ворота – налево помещение амбана и его сад, занимающий ¼ крепости, ее западный угол. Направо помещение шко-

лы, обучаются монгольские дети писарству. Северный угол имеет в себе тюрьму, обнесенную еще ... глиняной стеной с деревянными полями на крыше. В крепости масса различных, надворных построек, помещений для солдат. Солдаты исполняют обязанности поваров, огородников, актеров и т. п. Военному искусству солдаты не обучаются, по крайней мере, русские не замечали. Года два тому назад вздумали было приучить лошадей к выстрелам, но неудачно. Заставляли скакать солдата на лошади, и когда лошадь поравнялась с пехотой – стреляли в воздух – дикий конь сбрасывал с себя несчастного китайца и уносился в степь. Так и прекратились эти попытки обучить лошадей военному искусству» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 34). На юго-запад от Кобдо, в 200 верстах от Зайсана имеется новопостроенная крепость Шар-Сумын, которая ничем не отличается от Кобдо и имеет такие же глиняные постройки и крепость таких же размеров. Вооружение старое, население не более чем в Кобдо.

В результате были представлены следующие выводы разведчика в Кобдо: «наружно спокойно, никаких волнений, разговоров, предложений не наблюдается. Все, как русские, так и китайцы кажутся углубленными в свои торговые операции и розни, ненависти между ними не наблюдается. Монголы тише воды, ниже травы благодаря близкому соседству амбана и его тюрьме в крепости» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 37).

Стоит отметить еще одно важное обстоятельство, во время экспедиции в Кобдо разведка встретила 4 китайцев – путешественников, приехавших из Кош Агача, один из которых молодой человек 25–30 лет, был одет в европейское платье, говорил по-русски, мусульманин, утверждавший, что они просто любопытствующие путешественники, выехавшие из Урги через Иркутск, проследовавшие до Омска и вернувшиеся обратно через Барнаул, Бийск и Каш Агач в Кобдо. Из Кобдо проедут в Улясутай и Ургу. Русские, проехавшие из Бийска, утверждали, что это топографы: «...между прочим, дети некоей госпожи Рогалевой – дочь лет 20 и сын 17 лет ученик из реального училища, своими глазами видели чертежи этих путешественников. Рогалевы из Бийска выехали вместе с этими китайца-

ми и на одной из остановок в дороге молодой Рогалев, шляясь по горам с ружьем набрел на китайца, лежавшего в логу с карандашом и бумагой – китаец чертил что-то. При появлении Рогалева вскочил, спрятав бумагу, и исчез. В эту ночь китайцы уехали вперед и Рогалевы уже догнать их не могли. От русских кучеров-крестьян китаец, говорящий по-русски, расспрашивал названия рек, гор и записывал к себе в книжку» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 35 об. – 36). Это обстоятельство еще раз подтверждает активность китайской разведки в Урянхайском крае.

Результаты поездки по Урянхаю в целом характеризуют положительное отношение коренного населения к вопросу вхождения в состав Российской империи. Урянхи во главе со своими чиновниками, будучи в курсе всего происходящего в Монголии и сильно угнетаемые китайцами, ждут дня объявления их подданными России. Вопрос об урянхайской земле отошел в сторону и забыт ими. На русских, имеющих хорошее и трезвое поведение, поселившихся среди урянхов, они смотрят как на своих кормильцев и защитников. Китайцы выводили урянхов из терпения своим поведением, потому что не считались с их мнением, занимались самоуправством, поборами и самосудом. Сами лично предпринять что-либо открыто урянхи не могут, опасаются результатов, а именно, вдруг просьба урянхов не будет уважена, китайская власть сочтется с ними просто и коротко. Положением своим урянхи настолько удручены, что в пьяном виде начинают открыто проявлять свои желания, вплоть до провозглашения себя русскими.

Донесения разведки по этой проблеме следующие: «...по приезде моем на Булук урянхи во главе с Джеланом Джиргаланом пав на колени приносили вслух жалобу на китайцев (что не имеет примера в истории Усинского пограничного округа) прося меня сделать распоряжения как по выдворению китайцев, так по сборе оставляемых в одни места с назначением над ними старшего из русских. Спрашивали также, принял ли их – урянхов “белый хан” в свое подданство и как они будут жить. Меня называли своим нойоном. В дальнейшем пути следования, с Булука меня провожало 30–40 урянхов. На первой встрече, несмотря на

отсутствие вблизи юрт, собралось масса урянхов, урянхаек с детьми взглянуть на своего русского нойона и услышать весть об избавлении их от китайцев. Отсюда провожатых еще прибавилось. Все встречи дальнейшие ... подсказывали и носили характер не казенной, необходимой, политической встречи, а характер сердечный; видно было, что народ действует от себя, по собственному почину... Подобное продолжалось до самого приезда на ставку. Общий двусмысленный ответ, предложение ждать более радостного дня, по газетным сведениям, далай-лама в Петербурге – и раздача мелких подарков, угощение мясом и вином было ответом с моей стороны на все обращения урянхов и урянхайских чиновников.

На ставке у амбана продолжалось все то же, но что оригинальнее всего – когда за обедом у амбана последний начал увлекаться по адресу русских, и жена его начала останавливать, то он ... попросил жену удалиться, когда же за жену вступился ее брат, то он и его удалил; когда же после моего ухода, некоторые из его приближенных и родственников просили его не особенно расходиться вслух, то он, взяв головешку в руки и с криком: “довольно, я молчал, а теперь открыто говорю – я русский, что вы со мной сделаете!” и разогнал их из юрты. Все это было сделано в присутствии русских.

Подобных номеров слишком было много. Вопрос о земле и не поднимался; вопрос же о засе-

лении Урянхая русскими поднимался, и как амбань, так и урянхайские чиновники несколько раз заявляли, что они против заселения края русскими ничего не имели и не имеют, лишь бы поселялся хороший элемент, не отнимающий у урянхов их пастбища и не вселяющий среди всех раздоры. Словом, вопрос о принадлежности земли урянхайской падает сам собой и о нем даже урянхи ни слова не говорят» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 29. Л. 81–82 об.).

Таким образом, по результатам разведки Усинской пограничной команды в начале XX в. можно сделать вывод, что население Урянхайского края, находясь под протекторатом Китая, всячески поддерживало стремление принятия их в подданство Российской империи, будучи угнетенными и не имея возможности военного отпора злоупотреблениям со стороны китайского правительства. Установлено, что государственная граница между Китаем и Россией, проходящая по южному склону Саянского хребта, должна включать в себя и Урянхайский край. Сами урянхи сознают, что они живут на территории России, что в данный момент они состоят лишь данниками Китая, заявляя открыто, что они ждут часа объявления их гражданами России. Решение вопроса оставалось за российским правительством, так как от урянхов одними обещаниями и словами ничего нельзя было добиться.

Библиографический список

Василенко В.А. Установление протектората России над Тувой и российско-монгольские отношения // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: материалы III Междунар. науч.-практич. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.). Кн. 3. Ч. 1. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 279–282.

Василенко В.А., Кузьмин Ю.В. Конфессионально-политическая ситуация в урянхайском крае (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 3. С. 556–563.

Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» в междуна-

References

Vasilenko V.A. *Ustanovlenie protektorata Rossii nad Tuvoi i rossiisko-mongol'skie otnosheniya* [Establishment of a protectorate of Russia over Tuva and Russian-Mongolian relations]. *Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka"* [Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economy, science: proceedings of the III International. scientific practical conf]. (Irkutsk, May 29–30, 2014). Book 3. Part 1. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ., 2014, pp. 279–282. (In Russian).

Vasilenko V.A., Kuz'min Yu.V. Confessional political situation in the Uriankhay region (late XIX – early XX century). *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2015, vol. 25, no. 3, pp. 556–563. (In Russian).

Vasilenko V.A. «Uryankhaiskii vopros» v mezhd-

родной политике России, Монголии, Китая // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 99–114.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. В 3 т. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. 906 с.

Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века: монография. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 216 с.

Дулов В.И. Очерки социально-экономической истории Тувы. XIX – начало XX в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 608 с.

История Тувы. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. С.К. Тока. М.: Наука, 1964. 452 с.

Кузьмин Ю.В. Российская историография XX века русско-монгольских отношений // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 45–61.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 345 с.

Новиков П.А. В поисках пограничных знаков: из быта воинских команд // Родина. 2014. № 7. С. 40-43.

Попов В.Л. Через Саяны в Монголию. Ч. 1. Омск: Типография штаба Сибирского военного округа, 1905. 192 с.

Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольско-го бассейна реки Енисей). СПб, 1910. 206 с.

Родевич В. Урянхайский край и его обитатели // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XLVIII. Вып. 1–5. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912. С. 129–188.

narodnoi politike Rossii, Mongolii, Kitaya [“Uryanhai question” in the international politics of Russia, Mongolia, China]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 99–114. (In Russian).

Grumm-Grzhimailo G.E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai* [Western Mongolia and Uryanhai Territory]. In 3 vol. Vol. 2: *Istoricheskii ocherk etikh stran v svyazi s istoriei Srednei Azii* [Historical essay of these countries in connection with the history of Central Asia]. Leningrad, 1926, 906 p. (In Russian).

Datsyshen V.G. *Ocherki istorii rossiisko-kitaiskoi granitsy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Essays on the history of the Russian-Chinese border in the second half of the XIX – early XX century]. Kyzyl: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2000, 216 p. (In Russian).

Dulov V.I. *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Tuvy. XIX – nachalo XX v.* [Essays on the socio-economic history of Tuva. XIX – the beginning of the XX centuries.]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956, 608 p. (In Russian).

Toka S.K. *Istoriya Tuvy* [The history of Tuva]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1964, 452 p. (In Russian).

Kuz'min Yu.V. *Rossiiskaya istoriografiya XX veka rusско-mongol'skikh otnoshenii* [Russian historiography of the twentieth century Russian-Mongolian relations]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 45–61. (In Russian).

Moiseev V.A. *Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (the second half of the XIX century – 1917)]. Barnaul: Az-Buka Publ., 2003, 345 p. (In Russian).

Novikov P.A. In search of border signs: from the life of military teams. *Rodina* [Rodina], 2014, no. 7, pp. 40-43. (In Russian).

Popov V.L. *Cherez Sayany v Mongoliyu* [Through the Sayan Mountains to Mongolia]. Parts. 1. Omsk: Tipografiya shtaba Sibirskogo voennogo okruga Publ., 1905, 192 p. (In Russian).

Rodevich V. *Ocherk Uryankhaiskogo kraia (Mongol'skogo basseina reki Eniseya)* [Essay on the Uryankhay region (Mongolian basin of the Yenisei River)]. Saint-Petersburg, 1910, 206 p. (In Russian).

Rodevich V. *Uryankhaiskii krai i ego obitateli* [Uryanhai region and its inhabitants]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XLVIII. Iss. 1–5.

Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Манжигеев А.Ф. Концептуальные вопросы Российско-Монгольских отношений в первой половине XX века: история, дипломатия, экономика // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. Кн. 5. Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 23–26.

Ткаченко Б.И. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток: Уссури, 1999. 373 с.

Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.3944371681046095#0> (12.12.2017).

Шурхуу Д. Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: сб. ст. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 97–117.

Критерии авторства

Федорова Т.В., Степанов А.В. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры востоковедения и регионоведения АТР, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Степанов Александр Викторович, магистрант, кафедра философии и методологии науки, e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Saint-Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1912, pp. 129–188. (In Russian).

Sukhodolov A.P., Kuz'min Yu.V., Manzhigeev A.F. *Kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii v pervoi polovine XX veka: istoriya, diplomatiya, ekonomika* [Conceptual issues of Russian-Mongolian relations in the first half of the twentieth century: history, diplomacy, economics]. *Rossiya i Mongoliya v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiya, ekonomika, nauka)* [Russia and Mongolia in the first half of the twentieth century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]. Book 5. Irkutsk: Baikal State University Publ., 2015, pp. 23–26. (In Russian).

Tkachenko B.I. *Rossiya – Kitai: vostochnaya granitsa v dokumentakh i faktakh* [Russia – China: Eastern Border in Documents and Facts]. Vladivostok: Ussuri Publ., 1999, 373 p. (In Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 «O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Presidential Decree of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100014,0&rnd=0.3944371681046095#0> (accessed December 12, 2017).

Shurkhuu D. *Uryankhaiskii vopros v mongolo-rossiiskikh otnosheniyakh v pervoi chetverti XX veka* [Uryankhai question in the Mongolian-Russian relations in the first quarter of the XX century]. *Rossiya i Mongoliya: novyi vzglyad na istoriyu vzaimootnoshenii v XX veke* [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the XX century]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, pp. 97–117. (In Russian).

Attribution criteria

Fedorova T.V., Stepanov A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Tatyana V. Fedorova, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Oriental studies and regional studies, Asia-Pacific, e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Alexander V. Stepanov, master's student, Department of philosophy and methodology of science, e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru